И. А. Базановъ.
Профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Томскаго Университета.

Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформы 19 февраля 1861 г.

ТОМСКЪ.
Типографія Пріюта и Дома Трудолюбія.
1911.

Опредѣленіемъ Юридическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Томскаго Университета печатать разрѣшается. И. о. декана проф. М. Соболевъ.

Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформы 19 февраля 1861 г. *).

Чествуемая нами сегодня великая реформа освобожденія крестьянъ наложила глубокую печать на всѣ стороны жизни русскаго народа. Нельзя затронуть ни одного вопроса послѣдующей нашей исторіи, чтобы не встрѣтиться съ существеннымъ вліяніемъ освобожденія крестьянъ. Послѣдствія реформы для русской жизни не поддаются точному учету и исчерпывающему перечню.

Желая, поэтому, точнѣе опредѣлить значеніе крестьянской реформы, мы вынуждены остановиться только на одномъ, самомъ тѣсномъ и самомъ близкомъ ея задачѣ кругѣ явленій. Постараемся въ общихъ чертахъ обрисовать то правовое положеніе, которое реформа отводила освобожденнымъ крестьянамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдимъ, какъ это положеніе мѣнялось въ теченіе 50 лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ освободительной эпохи, и, наконецъ, укажемъ, чѣмъ вкладывается наше время въ то славное дѣло, которое было выполнено полвѣка тому назадъ.

I.

Правовое положеніе крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, опредѣлялось въ главныхъ своихъ чертахъ двумя законодательными актами 19 февраля 1861 г., именно: 1) Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и 2) Положеніемъ о выкупѣ. Первое положеніе опредѣляло основы правового строя крестьянъ на неопредѣленное будущее время; второе же, Положеніе о выкупѣ, устанавливало дополнительныя особенности крестьянскаго быта на время, пока не будетъ возвращена казнѣ ссуда, выданная на выкупъ и подъ залогъ надѣльной крестьянской земли.

*) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Томскаго Губернскаго Правленія 19 февраля 1911 г., въ пятидесятилѣтнюю годовщину освобожденія крестьянъ.

Согласно 2-й ст. Общаго Положенія „крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу".

Переставъ быть объектомъ имущественныхъ правъ помѣщиковъ, крестьяне становятся полноправными гражданами государства, хотя и входятъ въ одно изъ низшихъ, такъ наз. податныхъ сословій.

А такъ какъ наши сословія не представляли собою чего-либо замкнутаго, то предпріимчивымъ крестьянамъ въ концѣ концовъ открывался доступъ къ занятію всѣхъ степеней общественнаго и государственнаго положенія.

Впрочемъ, уже въ Общемъ Положеніи были намѣчены нѣкоторыя особенности правового строя крестьянъ, которыя позднѣе послужили чреватымъ источникомъ рѣзкихъ колебаній въ судьбахъ нашего крестьянства и значительной отсрочки пріобщенія ихъ къ формамъ быта прочихъ классовъ населенія Имперіи. Особенности эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Въ административномъ отношеніи крестьянамъ было предоставлено самоуправленіе, а для разсмотрѣнія ихъ чисто крестьянскихъ спорныхъ дѣлъ—былъ введенъ особый волостной судъ. Причемъ, какъ техника управленія, такъ и правила судопроизводства не опредѣлялись—въ увѣренности, что здравый смыслъ и прирожденныя качества души крестьянина вложатъ въ это дѣло наилучшее содержаніе, тѣмъ болѣе, что въ ту пору то и другое дѣло было несложнымъ и близкимъ крестьянству.

2) Хотя крестьяне, какъ прочіе граждане, становясь лицомъ къ лицу съ государствомъ, были подчинены во всѣхъ отношеніяхъ законамъ государства (Об. Пол. ст. 21, 22, 23, 24, 29, 33), но въ то же время въ ихъ простыхъ чисто крестьянскихъ дѣлахъ имъ было предоставлено руководствоваться и мѣстными обычаями. Особенно же волостному суду было преподано правило руководствоваться „мѣстными обычаями и правилами, принятыми въ крестьянскомъ быту" (107 ст. Об. Пол.).

3) Крестьяне, вышедшіе изъ подъ личной власти помѣщиковъ, не были вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ предоставлены даже въ частной своей жизни самимъ себѣ. Они получили общинное устройство и были подчинены безличной власти общины, не только какъ частно-правной корпораціи, являвшейся собственницей надѣльной земли, но и какъ публично-правной корпораціи, являвшейся ячейкой административнаго строя крестьянства.

Какъ члены земельной общины, крестьяне были связаны круговой порукой передъ государствомъ по аккуратной уплатѣ выкупныхъ платежей, а какъ члены административной общины, они были связаны тою же порукой передъ государствомъ по аккуратному исполненію повинностей.

Отсюда, по Общему Положенію, общинѣ было предоставлено право вмѣшиваться въ семейную жизнь отдѣльныхъ крестьянъ: разрѣшать или не разрѣшать семейные раздѣлы (ст. 51 п. 5), учреждать опеку надъ недѣеспособными (24 ст. примѣч. 1 и 51 ст. п. 4), надъ недоимщиками и даже смѣнять домохозяина (187—8 ст.). Дальнѣйшее вмѣшательство общины въ личную жизнь крестьянъ, именно—въ избраніе крестьяниномъ рода жизни, занятія, мѣста жительства и даже выходъ изъ общины не допускались Общимъ положеніемъ. Послѣднее ставило лишь рядъ законныхъ требованій, удовлетворяя которымъ, крестьянинъ былъ свободенъ осуществлять означенныя права личности, включая выходъ изъ Общины (ст. 29. п. 2, 3, 4; 51 п. 3 ст. 132 прим., 134 и 130; ст. 84 п. 8 и 132). Тѣмъ болѣе Общее Положеніе не допускало вмѣшательства Общины въ имущественныя сдѣлки крестьянина.

Положеніе о выкупѣ вооружало общину новымъ полномочіемъ вмѣшательства въ частную жизнь отдѣльныхъ крестьянъ; общинѣ предоставлялось разрѣшать или воспрещать крестьянамъ, не внесшимъ всего выкупного долга, выходъ изъ общины, а слѣдовательно, въ извѣстныхъ случаяхъ—избраніе рода жизни и выборъ занятія (172 и сл. ст.). Что же касается права на отлучки, то Положеніе о выкупѣ предоставляло мировымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ дѣлать распоряженіе о воспрещеніи отлучекъ членамъ недоимочныхъ крестьянскихъ обществъ (129 п. 1), въ противномъ же случаѣ отлучки были свободны.

4) Четвертую особенность правового строя крестьянъ представляетъ организація крестьянской семьи. Общее положеніе въ ст. 21 предписываетъ: „На крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ“...., слѣдовательно, строитъ крестьянскую семью по типу Гражд. Законовъ,—какъ союзъ родителей и дѣтей, съ отдѣльнымъ имуществомъ каждаго изъ его членовъ; а въ то же время въ отдѣльныхъ случаяхъ оно допускаетъ выраженія, наводящія на мысль о совершенно особомъ устройствѣ крестьянской семьи. Такъ, по ст. 188 Об. Пол. и 127 ст. Пол. о вык., перечисляющимъ мѣры

взысканія платежей и повинностей съ крестьянъ, глава крестьянской семьи, домохозяинъ можетъ быть смѣщенъ и къ управленію имуществомъ можетъ быть привлеченъ другой членъ семьи; далѣе, всѣ члены семьи являются отвѣтственными за повинности, лежащія на семьѣ. Имущество семьи является общимъ достояніемъ всей крестьянской семьи. Послѣдняя является, какъ будто, юридическимъ лицомъ. Вообще терминологія крестьянскихъ Положеній неточна. То они говорятъ о крестьянинѣ, его личной собственности, то—о домохозяинѣ, дворѣ и семейномъ надѣлѣ.

Первое время по освобожденіи крестьянъ практика игнорировала намеки Положеній объ особомъ строѣ крестьянской семьи, какъ корпораціи, и стояла на общегражданской точкѣ зрѣнія на крестьянскую семью, руководствуясь основной освободительной идеей законодательства 19 февраля 1861 года [1]). Но позднѣе, какъ увидимъ, были учтены и указанные намеки на особый строй крестьянской семьи.

5) Послѣднюю крупную особенность правового строя нашихъ крестьянъ по Положеніямъ 19 февраля представлялъ особый спеціальный комплексъ крестьянскаго имущества, извѣстный подъ именемъ надѣла и играющій рѣшительную роль въ правовомъ положеніи нашихъ крестьянъ,—именно являвшійся той полосою земли, къ которой въ самый моментъ освобожденія отъ крѣпости помѣщику крестьянинъ былъ извѣстнымъ образомъ снова прикрѣпленъ.

Терминъ „надѣлъ“ примѣняется Положеніями одинаково какъ къ выкупленному, такъ и невыкупленному надѣлу, какъ къ надѣлу, пріобрѣтенному съ пособіемъ отъ правительства, такъ и къ надѣлу, пріобрѣтенному безъ такого пособія, и даже къ дарственному.

Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ того, когда надѣлъ пріобрѣтенъ съ пособіемъ отъ правительства и еще не выкупленъ, онъ третируется правомъ свободно, и составляетъ такую же собственность крестьянъ, какъ и всякое внѣнадѣльное ихъ имущество. (Об. пол. ст. 37 въ связи съ 11, 12, 33—36); отличіе такого надѣла отъ прочаго имущества заключается только въ томъ, что онъ не подлежитъ принудительному отчужденію за частные долги крестьянина (Об. Пол. ст. 24 прим. 3 и Прилож.), такъ какъ является фондомъ для расплаты по податямъ и повинностямъ.

Особенное же положеніе и интересъ представляетъ надѣлъ, пріобрѣтенный крестьянами въ собственность при содѣйствіи пра-

[1]) Рѣш. 1 Деп. Сен. 20 мая 1875 № 3889, 16 апр. 1879 № 3523 и мн. друг.—Цирк. М. Вн. Д. 23 февр. 1869, 12 марта 1876 и т. д.

вительства и еще не выкупленный. Это—и самый распространенный видъ надѣла. Интересенъ этотъ послѣдній видъ надѣла юридическимъ строеніемъ выкупной операціи. Правительство давало на пріобрѣтеніе надѣла отъ помѣщика ссуду; крестьяне, благодаря этой ссудѣ, пріобрѣтали надѣлъ въ собственность (ст. 27, 34, 37, 156 и друг. Пол. о вык.); а правительство, въ моментъ пріобрѣтенія надѣла въ собственность крестьянъ, устанавливало на этотъ надѣлъ запрещеніе (Пол. о в. ст. 107). Это запрещеніе является формой залога (Пол. о в. ст. 4, 27). Сверхъ запрещенія—залога правительство установило личное привиллегированное обязательство общины по уплатѣ выкупа (Пол. о в. ст. 126). Наконецъ, правительство установило неограниченную субсидіарную и солидарную отвѣтственность членовъ Общины за долги послѣдней, т. е. круговую поруку. Такимъ образомъ, государство-кредиторъ воспользовалось сильнѣйшими гражданскими средствами для обезпеченія возврата выкупной ссуды. Мало того, на нѣкоторыхъ изъ средствъ, напр., круговой порукѣ, оно съ той же цѣлью построило еще систему стѣсненій гражданской свободы крестьянъ.

Таковы особенности правового строя крестьянъ по Положеніямъ 19 февраля 1861 г. Мы видимъ, что Положенія постигла общая судьба историческихъ актовъ. Они также вышли изъ горнила острой борьбы разнородныхъ силъ и интересовъ. Они не проводятъ послѣдовательно какихъ-либо опредѣленныхъ началъ; они открываютъ мѣсто на ряду съ началами реальной государственной политики—началамъ мечтательнаго славянофильства, на ряду съ началами свободы—начала новой зависимости и крѣпости, наряду съ началами пріобщенія крестьянъ общимъ формамъ гражданскаго быта—начала обособленности крестьянства въ спеціальную соціальную категорію.

Указанные слѣды острой борьбы интересовъ, ведшейся вокругъ содержанія законодательныхъ актовъ 19 февраля, тѣмъ отчетливѣе обрисовываютъ намъ величіе души ЦаряОсвободителя, принявшаго на себя всю отвѣтственность за крестьянскую реформу,—ту реформу, которая теперь представляется намъ такъ естественной, но которая въ свое время казалась многимъ выдающимся государственнымъ дѣятелямъ, пользовавшимся довѣріемъ Государя, серьезнымъ потрясеніемъ устоевъ вѣками сложившейся нашей государственности.

II.

Я отмѣтилъ особенности актовъ 19 февраля 1861 г. какъ исходный моментъ дальнѣйшихъ судебъ крестьянскаго вопроса.

Судьбы эти были слѣдующія:

Два первыя десятилѣтія по освобожденіи крестьянъ законодательство 19 февраля 1861 г. примѣнялось въ общемъ освободительномъ духѣ. Община не заявляла себя господиномъ отдѣльныхъ крестьянъ, семья крестьянская сближалась съ общегражданской семьей, личность пользовалась въ деревнѣ свободой самоопредѣленія какъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ и въ вопросахъ о выборѣ занятій, рода жизни, объ отлучкахъ и даже выходѣ изъ общины. А вслѣдствіе сравнительной простоты сельскаго быта того времени, не заявляла неудобствъ и организація крестьянскаго самоуправленія и волостного суда.

Но вотъ въ 80-хъ гг. замѣчается разстройство нашей деревни, объяснявшееся многими причинами, въ томъ числѣ, несомнѣнно, и тѣмъ, что, по освобожденіи крестьянъ, правительство отвернулось отъ деревни, забросило ее и почти ничего не дѣлало для ея культурнаго преуспѣянія. Обычай, съ осложненіемъ жизненныхъ отношеній, съ дифференціаціей крестьянства на экономической почвѣ и т. д. превращается въ ширму произвола, волостной судъ—въ искаженіе идеи правосудія, сельское самоуправленіе проявляетъ черты полнаго безпорядка и т. д. и т. д.

Когда разстройство деревни стало обращать на себя вниманіе правительства, послѣднее начало изыскивать мѣры къ ея упорядоченію и, въ духѣ того времени, обратило вниманіе на содержавшіеся въ самихъ Положеніяхъ 19 февраля намеки строя, обратнаго освободительнымъ тенденціямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывало новыя начала строгаго внѣшняго контроля надъ жизнью и дѣятельностью крестьянства, и не только въ области публичнаго, но и въ области частнаго права;—впрочемъ, контроль предназначался дѣйствовать не именемъ закона, а именемъ простого благоусмотрѣнія контролирующихъ инстанцій.

1) Такъ, Положеніемъ 12 іюля 1889 г. создается институтъ земскихъ начальниковъ, призванныхъ опекать на широкихъ началахъ какъ частно-хозяйственную дѣятельность общины, такъ и частную жизнь крестьянской семьи и даже личности. Не только по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ, но и въ порядкѣ надзора земскій начальникъ призывается разсматривать всѣ мірскіе приговоры; и не только въ случаѣ формальной ихъ неправильности,

но и въ случаѣ, когда они покажутся земскому начальнику по существу нежелательными, какъ нарушающіе интересъ общины или права отдѣльныхъ лицъ, онъ представляетъ ихъ къ отмѣнѣ (ст. 31). Отсюда мірское хозяйство, увольненіе крестьянина изъ сельскаго общества, семейные раздѣлы, отлучки крестьянъ, а вслѣдствіе этого и коренныя права личности, какъ выборъ крестьяниномъ рода жизни и занятія—стали въ зависимость отъ усмотрѣнія земскаго начальника.

2) Равнымъ образомъ, въ 80-хъ годахъ мы наблюдаемъ крутой поворотъ въ сторону усиленія власти общины надъ крестьяниномъ и вмѣшательства первой въ частную жизнь крестьянина, такъ что община начинаетъ играть ту самую роль крѣпостного помѣщика, на которой настаивала часть губернскихъ комитетовъ 60-хъ годовъ, но въ которой ей открыто было отказано редакціонными комитетами. Поворотъ произошелъ почти одновременно и въ сенатской практикѣ и въ законодательствѣ.

Такъ, въ рѣшеніи 10-го сентября 1891 г. № 4791 Сенатъ признаетъ за сельскимъ обществомъ право вмѣшательства въ хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдѣльными домохозяевами на ихъ надѣльныхъ участкахъ. Въ рѣшеніи 12 ноября 1891 г. № 6484 Сенатъ признаетъ за сельскимъ обществомъ право воспрещать членамъ такое отчужденіе принадлежащаго имъ имущества, которое не вызывается разумной потребностью и можетъ впослѣдствіи привести общество къ необходимости платить по круговой порукѣ недоимки за своихъ членовъ или даже содержать ихъ семейства. А въ рѣшеніи 4-го октября.1891 г. № 5447 Сенатъ провозглашаетъ уже совсѣмъ непонятное начало: „Сельскій міръ имѣетъ право запретить отдѣльнымъ крестьянамъ наниматься на работу за ту плату, которую они сами согласны были бы взять съ нанимателя, и вообще міръ имѣетъ право постановлять приговоры по всѣмъ дѣламъ, отъ рѣшенія коихъ въ томъ или иномъ смыслѣ можетъ зависѣть степень благосостоянія сельскаго общества, а слѣдовательно и отдѣльныхъ членовъ".

Положеніе о паспортахъ 3 іюня 1894 г. даетъ обществу новое право вмѣшательства въ жизнь крестьянъ, именно право разрѣшать или нѣтъ отлучки недоимочныхъ крестьянъ по паспортнымъ книжкамъ (44 ст. пол.) и возобновленіе имъ кратковременныхъ видовъ на жительство на новые сроки.

Законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ обязываетъ общину, принявшую правильную точку зрѣнія на раздѣлы, какъ

чисто семейное дѣло, контролировать раздѣлы и устанавливаетъ уже точныя руководящія начала для контроля. Такъ что право общины, предоставленное ей въ виду ея отвѣтственности по круговой порукѣ, превращается въ обязанность.

Законъ 14 декабря 1893 г. отдаетъ на волю общества выдѣлъ крестьянину надѣла, уже выкупленнаго крестьяниномъ, и этимъ затягиваетъ безъ нужды подчиненное положеніе крестьянина-общинника.

Новая власть общины надъ крестьяниномъ, ограничивая хозяйственную иниціативу послѣдняго, вносила въ жизнь крестьянина черты коллективизма и коммунизма, рѣзко противорѣчившія общему гражданскому строю современной Россіи.

3). Въ организаціи крестьянской семьи также происходятъ измѣненія, превращающія ее изъ обще-гражданской семьи въ фискальную организацію. Начало перемѣнъ положилъ законъ 18 марта 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ, проектъ котораго вышелъ изъ рукъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Графа Толстого, дальнѣйшее же развитіе новаго взгляда на семью было дано Сенатской практикой [2]). Вотъ какъ рисовалась теперь крестьянская семья.

Крестьянская семья есть рабочая ассоціація въ формѣ юридическаго лица. Представитель этого юридическаго лица, органъ его есть домохозяинъ. Домохозяинъ—старшій членъ семьи, кто бы такимъ ни оказался: родитель, дядя, вотчимъ, старшій братъ. Этотъ домохозяинъ распоряжается семейнымъ имуществомъ единолично и самовластно, безъ всякаго согласія съ прочими членами семьи, пока онъ не злоупотребляетъ властью. Онъ же представляетъ семью и передъ правительствомъ и обществомъ, по отбываніе повинностей. Онъ властвуетъ и надъ личностью членовъ семьи. Онъ даетъ свое согласіе на отлучку члена семьи, на раздѣлъ семьи, на выходъ члена семьи изъ общества. Онъ, такимъ образомъ, имѣетъ рѣшительный голосъ во всѣхъ вопросахъ, опредѣляющихъ личную судьбу членовъ семьи, какъ-то: вопросѣ о выборѣ занятія, мѣста жительства и профессіи подвластныхъ членовъ.

Новая форма семьи прежде всего стала въ непримиримое противорѣчіе съ крестьянскими Положеніями 61 г. Напр. общее Положеніе (ст. 38) знаетъ наслѣдованіе въ надѣльномъ имуществѣ крестьянъ, а новая семья исключаетъ самую идею такого наслѣдованія. Далѣе, новая форма семьи и на практикѣ встрѣтила

[2]) Рѣш. Сен. 3 марта 1892 № 1392. Рѣш. гражд. касс. д. 1884 № 67; 1893 № 91; 1894 № 88; общ. собр. 1, 2, и касс. деп. 1892 № 33,41; 1895 № 45; 1894 № 137; 1897 № 29; 1898 № 2; 1899 февр. 8 и мн. друг.

упорное сопротивленіе народныхъ воззрѣній. Народъ не принялъ ея; цѣной жертвъ, которыми законъ 18 марта грозилъ крестьянамъ, они продолжали дѣлиться и основывать естественныя семьи. (Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній 1897 г. т. II: заключенія о семейныхъ раздѣлахъ).

Не отвѣчая современному состоянію культуры нашихъ крестьянъ, тяготѣющихъ къ общимъ формамъ гражданскаго быта, новая форма семьи создавала лишь рядъ условій для эксплоатаціи и гнета со стороны, ничѣмъ подчасъ нравственно не связаннаго со своими подвластными, главы семейства, напр., когда главою семьи являлся не родитель.

На этой почвѣ въ крестьянской средѣ совершались драмы, доходившія время отъ времени до сената, рѣже до печати, а чаще всего до уголовнаго суда 3).

Въ означенныхъ условіяхъ, личности не оставалось въ крестьянской средѣ въ сферѣ надѣльнаго хозяйства никакой иниціативы,—и это въ то время, когда крестьянская среда вовлекалась силой событій въ общегражданскій оборотъ, покоющійся на началѣ личной предпріимчивости.

Понятно, что всякій сколько-нибудь чуткій и одаренный крестьянинъ пытался бѣжать вонъ изъ семьи и изъ общины, чтобы начать дѣятельность внѣ надѣльнаго хозяйства.

Но эта самостоятельность покупалась имъ дорогой цѣной. Чтобы выйти изъ общины, онъ долженъ былъ отказаться отъ надѣла, въ значительной части уже выкупленнаго имъ, а сверхъ того еще добиться правдами и неправдами согласія домовладыки, общества и земскаго начальника.

Чтобы отлучиться изъ общины, крестьянинъ-недоимщикъ при каждой перемѣнѣ паспорта долженъ былъ пройти тѣ же инстанціи, а въ случаѣ неуспѣха въ одной изъ нихъ, онъ могъ быть высланъ, какъ безпаспортный, изъ мѣста нахожденія своего хозяйственнаго предпріятія въ мѣсто приписки.

Впрочемъ, домохозяинъ могъ чѣрезъ полицію истребовать члена своего семейства даже до истеченія срока паспортной книжки, на выдачу которой онъ своевременно далъ свое согласіе (55 ст. Пол. о видахъ на жит.).

Всѣ означенныя мѣропріятія 80 и 90 г.г. по упорядоченію сельской жизни не улучшили послѣдней. Деревня разорялась, падала, приходила въ броженіе.

---

[3]) См. Новиковъ, записки земскаго начальника (Русск Богатство за 1900 № 10: „Раздѣлъ“).

III.

Неуспѣхъ этихъ мѣръ былъ сознанъ съ особенной ясностью въ началѣ послѣдняго десятилѣтія. Въ 1902 г. былъ предпринятъ новый приступъ къ пересмотру крестьянскаго законодательства и Губернскіе Комитеты высказались рѣшительнымъ образомъ за отмѣну мѣропріятій 80-хъ и 90 годовъ, за возстановленіе точнаго смысла освободительнаго законодательства и за оздоровленіе крестьянской жизни положительными культурными мѣропріятіями.

И вотъ съ 1903 года и до сихъ поръ политика правительства по крестьянскому вопросу снова возвращается къ освободительнымъ тенденціямъ законодательства 60-хъ годовъ.

Такъ, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ 26 февраля 1903 г. отмѣняется круговая порука, служившая оправданіемъ всѣхъ вмѣшательствъ общины въ частную жизнь крестьянина. Высочайшимъ Манифестомъ 3 ноября 1905 г. отмѣняются выкупные платежи, служившіе другимъ источникомъ воздѣйствія общины на частную жизнь крестьянина. Какъ слѣдствіе этихъ мѣръ Высочайшій Указъ 5-го октября 1906 года отмѣнялъ разнаго рода ограниченія въ правахъ сельскихъ обывателей, между прочимъ, вмѣшательство общины въ семейные раздѣлы и т. д.

Вѣнцомъ же новаго освободительнаго направленія въ крестьянскомъ законодательствѣ явился Высочайшій Указъ 9 ноября 1906 г., вышедшій въ порядкѣ 87 ст. Осн. зак. и позднѣе одобренный III Госуд. Думой. Этотъ указъ возстановлялъ предписаніе 36 ст. Общаго Положенія 1861 г. о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины, съ укрѣпленіемъ въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, переходящихъ къ личному владѣнію, участковъ изъ мірского надѣла.

Основнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій нашего времени указывается желаніе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича—„завершить мудрыя предначертанія Царя Освободителя“ и создать „прочное обезпеченіе пользованія лицами крестьянскаго сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“.

Такъ въ отношеніи формъ гражданскаго быта крестьянство вступаетъ въ наши дни на общее положеніе гражданъ русскаго государства.

Такое же положеніе въ отношеніи суда и административнаго устройства составляетъ нынѣ предметъ обсужденія нашихъ законодательныхъ палатъ.

Вотъ какая тѣсная связь существуетъ между законодательной дѣятельностью настоящаго времени и таковой же—эпохи освобожденія крестьянъ. Въ наши дни Правительство выполняетъ заключительный актъ освободительной программы, предначертанной 50 лѣтъ тому назадъ. И для законодательной дѣятельности нашихъ дней сохраняютъ полноту своего значенія чудныя заключительныя слова безсмертнаго Манифеста, призывающія крестьянство „на свободный трудъ, залогъ его домашняго благополучія и блага общественнаго“!